

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

д. филос. наук Лифинцевой Татьяны Петровны
на диссертацию Мановас Янины Эдуардовны
«Бытийно-историческое мышление Хайдеггера: философия другого начала»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.03 – История философии

Диссертация Янины Эдуардовны Мановас «Бытийно-историческое мышление Хайдеггера: философия другого начала» обращена главным образом к одной книге Хайдеггера – «Вклад в философию», завершённой в 1939 г и опубликованной только в 1989 г. Автор диссертации считает его одним из главных философских трудов Хайдеггера, наряду с «Бытием и Временем» – где Хайдеггер ставит и по-разному разворачивает вопрос о Бытии. Но исследование вовсе не кажется «обращенным к фрагменту» творчества – ему предлежит глубинное авторское прочтение всего творчества Хайдеггера и знакомство хайдеггероведческой литературой; автор разворачивает необычную и яркую собственную перспективу исследования. Трудность исследования «Вклада в философию» связана с тем, что книга изобилует непривычной терминологией, существенно отличающейся как от того, что предлагалось философом в 20-х гг., так и от языка его статей и эссе, публиковавшихся в 40-50-е годы. Исследование произведения является серьезной научной задачей: в мировом хайдеггероведении этой проблеме посвящается множество журнальных публикаций и книг, в отечественной же философии исследований на эту тему до сих пор крайне мало, поэтому исследование Я. Э. Мановас для отечественной истории философии является новым и оригинальным. Как пишет автор диссертации: «Исследования о бытийно-историческом мышлении Хайдеггера обычно сосредоточены либо на вопросе о бытии и его истории, либо на теологической тематике в текстах позднего Хайдеггера. В диссертации смещается принятый в

хайдеггероведении фокус внимания и исследуется философский стиль бытийно-исторического мышления». (с 4)

Несомненно, Я. Э. Мановас воспринимает текст Хайдеггера как поэтический: «погружение», «повторение», «медленный темп чтения», «многократное перечитывание», «читатель ведом текстом» (с. 10)... Хочется ещё спросить: «Как сакральный (текст)? Как эзотерический? Текст читает нас?» и т д – но я воздержусь. Янина Эдуардовна говорит о том, что чтение Хайдеггера не допускает «мета-позиции» и «метаязыка», что читатель и исследователь именно «ведомы» текстом. Однако при этом само исследование демонстрирует творческую мощь автора, мета-позицию, а такой исследователь и читатель, несомненно, становится со-автором. Действительно, обращение к одному произведению сообщает исследованию необычайную глубину, а другие труды Хайдеггера при этом зримо присутствуют в диссертации.

В Главе II Я. Э. Мановас много говорит о сигетике текстов Хайдеггера (от древнегреческого σιγή (sigé) – тишина, молчание). (Обычно тема «сигетики» предполагает коннотации христианской аскетической и медитативной практики.) Диссертантка полагает, что у Хайдеггера сигетика как молчаливое приуготовливание к тому, что должно сказаться позже, следуя событию «истины Бытия», – бытийно-историческое мышление предназначает аналитический переход от самополагающего субъекта к его временному бытийствованию. Сигетика, как показывает автор диссертации, не столько «осваивает» (т.е. озвучивает) пространство молчания, сколько угадывает его границы. Угадать, усмотреть границы того, что кажется безграничным — это задача сигетики, и только следующий шаг делает уже «логика». Именно сигетика есть «логика» Другого Начала, сигетика, – «логика» молчания о Бытии. Интересна интерпретация сигетической речи как системы *сигетических жестов* (это выражение принадлежит автору диссертации). Сигетическая речь прочерчивает границу между тем, что позволяет себя

сказать – т.е. сущим, – и тем, что не позволяет себя сказать – т.е. Бытием. Это не речь «о молчании», она если и описывает молчание, то как описывают круг, прочерчивая его границу, – такая речь – сигетический жест, указание на тайну, изначальную тишину. Есть разные виды сигетических жестов. Таким жестом, как показывает Я. Э. Мановас, может оказаться, например, сам ход мысли, направленный откуда-то и куда-то, как цель направляет идущего. Другим жестом является вопрос, но не тот вопрос, который содержит в себе ответы или требует ответа, а вопрос ранга – для того чтоб раскрыть пространство возможностей, возможных ответов, и держать его (пространство) открытым. Сигетическими жестами, по мнению автора диссертации, являются все ключевые термины Хайдеггера: Sein, Dasein, Ereignis, Zwischen, Entwurf, Gestel, и др. – все эти жесты в сторону открытости, которое дает место быть не какому-то фиксированному содержанию. Такие жесты что-то вроде резервуаров «открытости к ...» – нет предзаданности, они открывают собой открытость и сохраняют её, не закрывая.

В Главе II диссертации (§ 3 и 4) «настроению» Другого Начала посвящены два параграфа диссертации. Автор подробно разбирает названные Хайдеггером настроения: испуг, благоговение, предчувствие, сдержанность. Настроению сдержанности посвящен отдельный параграф. Диссертантка выявляет скрытую взаимосвязь настроения сдержанности в работе «Вклад в философию» и ницшевской концепции «воли к власти». Эта взаимосвязь неявная, и то, что автору удалось ее проследить, – один из самых ярких моментов диссертации.

Глава II объединена темой «настроения» Другого Начала. Соотношение взаимосвязанных и акцентирующих друг друга Речи и Молчания, полагает автор диссертации, соответствует общему методологическому тезису фундирования (обоснования и закрепления), как принципиально инаковое (иное). (Феномен молчания, оказывающегося основой речи, варьирует тему

«Ничто», которое находится в основе сущего.) Автор диссертации находит образец подхода к прочтению «Вклада в философию» в «Последних семинарах» В. В. Бибихина.

В этой же главе диссертантка сравнивает строение книги Хайдеггера с фугой – говорит о её полифоничности, многоголосии, контрапунктичности. Вообще я вижу в диссертации Я. Э. Мановас (очевидно, благодаря музыкальности автора) некую синестезию разных видов творчества: философии, поэзии, музыки, кинематографа...

Янина Эдуардовна пишет: «Если «логика» другого начала – *сигетика*, то «теология» другого начала будет *тео-сигетикой*, промалчивающей речью о боге». (с. 147) «Тео-сигетика», как я вижу, – тоже термин автора диссертации. Отношение Хайдеггера к христианской теологии – отдельная огромная тема. Существуют разные, вплоть до взаимоисключающих, оценки позиции Хайдеггера в отношении христианства и христианской теологии. Но в любом случае отрицание исторически выработанных теологических положений и понятий (в том числе, Бога) не означает отрицания проблемно-тематического поля, т.е. того, *что* эти понятия призваны обозначать. Вероятно, тема сигетики-молчания, тео-сигетики, могла бы быть дальше эксплицирована в направлении христианской апофатики – например, ареопагитического корпуса или «рейнской мистики». Или – неоплатоников.

В Главе III диссертации («Другое начало за пределами философии») исследуется «другое начало» вне философии. Настроение и сигетика другого начала, как показывает автор диссертации, могут проявляться не только в философии, но и в произведениях искусства и литературы. Автор диссертации показывает разворачивание из сигетики Хайдеггера мета-анализа творений поэзии и кинематографа, онтологии искусства. А что значит – «онтология искусства»? Онтология – это философское учение о бытии, о сущем. Искусство есть творческий подход к миру, творческая деятельность. Слово о сущем и опыт творчества в выражении «онтология

произведения искусства» соединены, но так, что его смысл получается двояким. Мы можем понимать под ним как нашу способность сказать слово (логос) о бытии искусства, так и способность самого искусства сказать слово о бытии и, прежде всего, о бытии того сущего, которое оно творит. По Хайдеггеру, поэт в своем бытии, в своем здесь и сейчас присутствии, «стоит» между богами и людьми. Его творения, его поэзия, если она действительно поэзия бытия, а не поэзия видимости, – это божественный знак для народа. Поэт «речёт» на языке богов. Но если боги в современную эпоху и нужны ли они людям? В истории бытия время оскудело, ибо оно не наполнено больше божественным присутствием: старые боги уже покинули мир, а новые еще не пришли. Но вот поэзия Гёльдерлина, открывшегося богам, по Хайдеггеру, учреждает новое время, в которое снова могут вернуться боги для возрождения исторического бытия народа...

О Гёльдерлине, впрочем, в тексте диссертации Янина Эдуардовна почти не пишет. Она обращается к циклу М. И. Цветаевой «Боги» и фильму А. А. Тарковского «Сталкер». Её анализ стихотворений Цветаевой не является филологическим или традиционно литературоведческим, а «разыскание» «Сталкера» – не киноведческое. В то же время это, как мне кажется, не иллюстрация к «Вкладу в философию» (хотя именно об «иллюстрации» Я. Э. Мановас пишет на с. 170). Её исследование показывает, что единое движение (жест) сокрытости-несокрытости Бытия являет себя как в философии, так и в искусстве. Здесь возможно и движение «к» Хайдеггеру от произведений искусства: «Можно попытаться сделать шаг в позднего Хайдеггера с помощью «Сталкера», то есть через интерпретацию «Сталкера» из другого начала войти в непосредственный опыт другого начала, пребывания в его пространстве». (с. 171) На мой взгляд, этот «шаг» автора диссертации точен и изящен. Не менее изящен и выверен и шаг от Цветаевой к Хайдеггеру и от Хайдеггера к Цветаевой.

Не имея возможности (в силу объёма и времени) остановиться здесь на онтологии искусства, я хотела бы сказать о возможных перспективах исследований диссертантки в этом аспекте. Я бы обратилась, например, через Хайдеггера к поэзии Манделштама и – к Хайдеггеру через Манделштама. К поэзии Манделштама обратилась ученица Хайдеггера Ханна Арендт в книге «Жизнь ума» – следуя Хайдеггеру и споря с ним. Анализируя два стихотворения – «Может быть, это точка безумия?» и «Я скажу тебе начерно, шопотом», Арендт приходит к мысли, что философское мышление, так же как и мышление поэтическое, происходит из опыта Восхищенного Изумления. Это изумление есть парадоксальное созерцание – парадоксальное, поскольку оно созерцает само отношение невидимого к видимому, саму линию трансцендирования. С точки зрения Арендт, именно из инициального опыта восхищенного изумления, происходит хайдеггеровская идея тождества мышления и благодарности. Этот опыт хранят поэты, когда философы предают его забвению. Именно принятие видимой бессмысленности мира в парадоксальном акте благодарности и делает таким захватывающим поэтическое свидетельство.

По моему мнению, то, что автор намеренно ограничивается «малыми» темами Хайдеггера и сравнительно мало затрагивает «большие» темы (история бытия, сущность истины), заставляет видеть в диссертационном исследовании пролог к более масштабному исследованию, которое в рамках кандидатской диссертации провести невозможно. Диссертация открывает подступ к исследованию хайдеггеровского вопроса о бытии, к которому, по мнению диссертанта, подступиться можно только через «малые» темы, образующие его контекст, вводящие в его пространство.

Традиционно от диссертационного исследования по специальности «история философии» ожидают некоторой историко-философской контекстуализации философии Хайдеггера, взгляда «с высоты птичьего полета». Автор диссертации предпочитает идти от рассмотрения мелких

деталей к более масштабным проблемам, а не от общей картины переходить к рассмотрению частных. Это особенность «оптики» данного диссертационного исследования. Кроме того, можно было бы рассмотреть, кроме «Вклада в философию», и другие произведения Хайдеггера конца 30-х – начала 40-х годов, связанные с «Вкладом в философию» общей бытийно-исторической проблематикой (работы о Ницше, о Гёльдерлине, некоторые лекционные курсы). Они упоминаются и цитируются, но не разбираются подробно, а такой разбор сделал бы исследование более многомерным).

Диссертационное исследование Я. Э. Мановас демонстрирует наличие у автора высочайшей философской и художественной культуры, творческий подход к необычайно сложным темам, а также умение связывать «теоретические» проблемы философии с иными пластами культуры.

Диссертационное исследование Я.Э. Мановас подтверждено публикациями и переводами и полностью соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г.), а ее автор заслуживает присуждения ей искомой учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии.

Доктор философских наук,
профессор Национального Исследовательского Университета –
Высшей Школы Экономики

Лифинцева Татьяна Петровна

28. 04. 2021

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ ПО
КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
ОТДЕЛА ПО КАДРОВОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
МЕРЗЛЯКОВА Ж.В.

7

